

Караван судов рода Сяо, наконец-то, одним погожим днём поднялся с якоря. Поводом для этого стало вовсе не то, что князь Мин дождался хороших новостей, а, наоборот, плохие вести посыпались одна за другой.

Прежде всего дело касалось Вэньлань: тот несчастный подчинённый рода Сяо, которому пришлось помотаться с письмом князя Мина к госпоже Яое с просьбой подарить цветок, весь запыхавшийся, наконец-то вернулся с ответом. Манеры госпожи Яое по-прежнему были крайне прямолинейны, и в письме, где красовалось всего несколько слов, смысл выражался как нельзя ярче, да что уж там, каждая буква была пропитана им насквозь[1]. Более того, полученное письмо было подобно тому, что она писала вначале, вынуждая Сяо Цзуна жениться на ней — искусное и одинаковое мастерство, но в разных мелодиях[2].

«Наглый мальчишка, думаешь, Вэньлань, чьи семена трудно раздобыть, можно дарить кому вздумается и как вздумается?»

Преисполненный надеждой и с сияющими глазами Фэн Мин вместе со всей свитой раскрыл письмо, и взгляд, когда князь увидел предельно ясный ответ, внезапно застыл, став безжизненным.

Всё было абсолютно понятно — любившая отца Фэн Мина безрассудная госпожа Яое испытывала к своему сыну гораздо меньше чувств, чем к своему мужу.

Подобный тон дал Фэн Мину понять наверняка: даже если он вновь напишет письмо, то не сможет выпросить цветок, но, вспомнив клятвенное обещание Ду Фэну, невольно отчаялся из-за того, что не смог достать обещанного. Второе, что убивало, — письмо Цзы Яня.

Этот тип, Цзы Янь, действительно отвратительный, и ладно, если бы он отправился разузнать о положении Тун, но зачем в одиночку привлекать к себе и злить морских разбойников?

Как говорил Ло Дэн князю, морские разбойники Даньлинь очень жестокие, из-за чего Фэн Мин до сих пор не находил себе места[3]. Чем больше он думал об этом, тем тревожнее становилось, более того, князь боялся, что с Цзы Янем в Тун может приключиться беда.

Изначально караван судов пришвартовался здесь, чтобы дождаться цветка Вэньлань и вестей от Цзы Яня. Но сейчас, не получив орхидею, да ещё из-за, возможно, опасного положения Цзы Яня, разве мог Фэн Мин сидеть и бездействовать?

Получив письмо от госпожи Яое, князь ещё долгое время не мог прийти в себя, однако сделав это, Его Светлость первым делом приказал позвать Ло Дэна, которому отдал приказ:

— Немедля поднимаемся с якоря, мы отправляемся в Тун.

— Не слишком ли торопимся? — неожиданно первым заговорившим оказался Ло Юнь.

И все с удивлением перевели взгляд на юношу. Цю Юэ, ещё больше округлив глаза, удивлённо окинула его с ног до головы.

Услышав приказ князя, вошедший в комнату Ло Нин именно в тот момент, когда говорил Ло Юнь, сразу же благоговейно вмешался в разговор:

— Молодой господин уже что-то решил, Ваш подчинённый лично будет контролировать исполнение данного дела. — И, обернувшись, приказал рядом стоящему охраннику: — Иди скажи остальным, чтобы поднимали джонки с якорей. — Вновь повернувшись, мужчина мазнул взглядом по Ло Юню, при этом в его глазах таился иной скрытый смысл.

Ло Юнь, в свою очередь, холодно посмотрел на дядюшку и, вновь переведя взгляд на обеспокоенного князя, понял — обстановка диктует действие, вынуждая трогаться в путь. Хоть он и предугадывал, что Тун наверняка готовит опасную засаду, но, касательно матушки, юноша ни в коем случае не позволил и слову сорваться с уст, потому только и оставалось молчать, спрятав видную внешность под безжизненной маской.

Жун Ху не придавал такого огромного значения цветку, как это сделали Фэн Мин со служанками. Ведь если госпожа Яое не согласилась отдать Вэньлань, то не нужно даже настаивать и расстраиваться. Какой в этом смысл? А вот письмо Цзы Яня, в котором сообщалось, что молодой генерал намерен заранее разведать о морских разбойниках, заставило его сильно обеспокоиться. Он хорошо знал своего товарища и его характер: если попадалось какое-нибудь сложное дело, то этот человек всегда из десятой части раскрывал лишь треть проблемы, а из пятой — лишь небольшую её долю, потому из его уст лёгкая фраза «разведать», кто знает, может означать огромную опасность.

Они, получив ответ от Цзы Яня, уже наверняка знали о положении в стране, поэтому Фэн Мин, потеряв самообладание, приказал немедленно отчаливать, продолжая плыть в Тун; в душе Жун Ху, по большей части, одобрил желание молодого господина. И раз уж Ло Юнь молчал, а Ло Нин всячески соглашался, Жун Ху также хотел подготовиться к отплытию, так что брошенные на несколько дней у берегов Оман трёхлопастные якоря наконец-то были подняты с помощью множества слуг семьи Сяо, и большие джонки медленно поплыли по водной поверхности, отправляясь в путь.

Как только путешествие возобновилось, спокойные все эти дни служанки тотчас же засуетились, ведь каждая понимала: проплыв сто пятьдесят ли, корабли пристанут к берегам Туна, где наверняка опасно, к тому же только мечтающий прикончить с чьей-либо помощью князя Мина в обмен на «доказательства смерти» отца-императора наследный принц Цин Ли добавлял слугам Силэй головной боли.

Вот только сейчас Цю Лань, как и все остальные, хлопотала не только по данному поводу, а по тому, что пятьдесят ли не означало, что у них достаточно много времени, чтобы подготовить наряд для князя Мина, который первым делом должен был дать отпор врагам, ступив на территорию Туна. Выбрать одежду, помыться, нарядиться в послонное платье, прицепить украшения, расчесать волосы — всё это требовало тщательности и не терпело даже малейших ошибок.

Пусть в этот раз Фэн Мин шёл не под знаменем князя Силэй, а молодого господина семьи Сяо, однако окружённый служанками молодой мужчина, где бы не находился, являлся представителем Силэй и государя Силэй.

Нескончаемым потоком внося горячую воду, слуги наполнили бочку, а Фэн Мина прямо-таки несколько подобных волку и тигру[4] служанок ободрали как липку и впихнули в воду. Плесь!

Только что вошедший слуга подал три-четыре флакончика с ценными благовониями. И через мгновение к клубам пара добавился тонкий и превосходный аромат.

— Не переживай... — Князь сел с левого края бочки, вскарабкавшись руками и ногами, и, почувствовав приятный запах, подумал: «Это именно то, что нравится Жун Тяню», и волей-неволей помрачнел. — К чему такие ароматы добавлять? Жун Тянь-то ещё не приехал. Ой! — внезапно раздался истошный крик.

На что Цю Юэ сбивчиво забормотала:

— Простите, это Ваша служанка сильно потёрла, князю Мину очень больно?

Цю Син, единственная, кто стояла позади Его Светлости, видя, что спина князя вся покрыта синяками, легко стала растирать её, гневаясь:

— Всё из-за этого гадкого Ло Юня, всякий раз упражняется в искусстве меча, не щадя сил, и так избивает князя Мина, что потом Его Светлость превращается в один большой синяк. Ещё царапины в подмышках не зажили, спина вся в ушибах, вот действительно жестокий и безжалостный тип!

На что Фэн Мин возразил:

— Кроме Ло Юня, по-моему, нет никого, кто мог бы со мной по-настоящему потренироваться.

Фэн Мин, рано встав, принял просьбу Ло Юня пойти поупражняться, потому к имеющимся синякам добавились новые, вот только Ло Юнь хоть и был беспощадным противником, однако, ощущая его безжалостную мощь, князь, наоборот, тоже старался поднапрячься и пускал в ход приёмы, отражая атаки юноши. Сначала, конечно, князь пропускал два-три удара, которые сыпались как из рога изобилия, однако со временем научился держать около десяти ударов, отвечая на его выпады.

Таким образом, его искусство меча немного продвинулось. Страх перед болью всё же остаётся страхом, однако Фэн Мин совершенно не был тупицей и понимал — искусство меча стало лучше только благодаря усердию Ло Юня, с этой точки зрения выходило, что тот всё же заботится о Его Светлости.

— Моё искусство меча немного улучшилось именно благодаря заслугам Ло Юня. Потому в будущем больше не говорите за его спиной скверные слова.

— Искусство меча князя Мина действительно улучшилось? — спросила Цю Син, глядя на близняшку.

Неизвестно чем встревоженная Цю Юэ, в свою очередь, хмуро ответила:

— Я не знаток в этом, лучше сходи и расспроси Жун Ху.

Однако Цю Лань, подумав о чём-то другом, открыла рот и недоумённо прервала молчание:

— Да, кстати, я сегодня увидела наряд Ло Юня, и он мне показался довольно знакомым.

Цю Син захихикала:

— Что значит знакомым? В таком случае это именно тот наряд, что сшила Цю Юэ князю Мину. Когда Ло Юнь во время тренировки порвал новый костюм Его Светлости, разве тогда Цю Юэ в порыве гнева не швырнула этот наряд ему на голову? Он, дурень, до сих пор его носит.

Цю Юэ, в свою очередь, помрачнела:

— Я сразу же злюсь, вспоминая об этом, что здесь забавного? — И, отмыв князя дочиста, девушка немедля прошептала: — Прошу князя Мина выходить.

На что Фэн Мин повиновался и вылез из бочки.

Увидев сестру раздражённой, стоящая за её спиной Цю Син показала язык Цю Лань и спешно пошла помогать Его Светлости переодеться в чистое и заранее подготовленное платье.

Только спустя полчаса одежду князя, как и различного рода украшения, привели в надлежащий вид. Его Светлость выглядел изящно и утончённо. Цю Син для него подобрала белоснежное нижнее платье, затем накинула верхнее платье из чёрного атласа с золотыми краями по всей длине, широкие рукава которого свисали почти до ног, и пояс, к которому цеплялась подвеска, сделанная из ярко-алого рубина, смотрелся бесподобно, а сам князь после купания, чистый и в новом наряде, выглядел как выдающийся человек в приподнятом настроении.

В такие моменты Цю Лань и близняшки, которые с таким трудом заботились о Его Светлости, всегда вкушали плоды своих стараний. Видя, как князь Мин умело наряжен с их помощью, они чувствовали невыразимую гордость.

Как раз в тот момент, когда девушки расхваливали и одновременно выискивали ещё шелковинку превосходности князя, с улицы внезапно донёлся шум:

— Мы пришли! Подарок принесли! — На самом деле звучал только один голос, вот только он был чрезмерно громким даже для одного и настолько шумным, что десять человек не могли его перешуметь.

И, помимо голоса, эхом отозвался очень громкий звук шагов. Вообще говоря, Цю Юэ, которая изначально пребывала в ужасном настроении, не долго думая, позвала: «Сяоцю!» — и вытянула руку к двери. Едва услышав своё имя, зоркий пушистик пискнул и неизвестно откуда выпрыгнул прямо в ладони девушки, после чего залез в широкий рукав служанки, оставив снаружи лишь большой хвост, тем самым вызывая у Цю Юэ смех.

Вслед за этим две огромные тени выросли за дверью:

— Подарки принесли, мы подарки принесли! — Лишь услышав шум, все поняли, что пожаловали два весельчака — Ле Чжунши и Ле Доу.

Обрадованная зверьком Цю Юэ сдружилась с двумя мужчинами и, обнажив приветливую улыбку, обратилась к ним:

— Почему вы так внезапно пришли? Много ли на трёх кораблях развлечений? Предполагала, что вы останетесь на тех джонках и не подниметесь сюда.

Двое мужчин, которые любили ссориться, как только сели на корабль, чтобы составить компанию Его Светлости, сразу же подняли огромный галдёж, и ладно Фэн Мин, но служанки уже не могли выносить подобный шум и, отыскав способ, обманом заманили их на другое судно, требуя тишины. Поначалу Цю Юэ думала оставить Сяоцю, но, к сожалению, зверёк был непоколебимо предан своему хозяину и предпочёл бы умереть, чем подчиниться.

Эти двое, Ле Чжунши и Ле Доу, никогда не относились серьёзно к правилам этикета и вместе, переступив порог, без каких-либо церемоний поприветствовали Его Светлость, а после, отыскав себе место, с важным видом сели. Ле Чжунши, хоть и был сильным и громким, однако его техника боя отличалась проворностью, потому сидел он крайне непринуждённо.

Однако Ле Доу был не таким, как его господин: когда этот рослый малый шёл, даже пол грохотал и дрожал; облачённый в большой красный халат[5], он сел на деревянный стул, который внезапно под его весом печально скрипнул, вызывая опасение — а вдруг рассыплется на множество щепок.

Цю Син с любопытством спросила:

— Здоровяк, какой подарок вручишь нашему князю Мину?

— Само собой хороший!

— Не стащил ли чего с других джонок? — поинтересовалась Цю Юэ.

Ле Чжунши вместе с Ле Доу поднялись, наполненные гневом, и, жестикулируя[6], стали говорить, что они совершенно ничего не крали. Шумели они до тех пор, пока Цю Юэ не сказала, что просто пошутила, и только тогда Ле Чжунши сердито пояснил:

— Старший брат хотел, чтобы мы передали князю Мину этот подарок.

Пребывая в изумлении, Фэн Мин проговорил:

— У вас есть новости от господина министра?

С тех пор, как покинули Юэчжун, князь не получил ни письма от Ле Чжунлю, неужели он каким-то своим способом связывается с младшим братом?

На что Ле Чжунши вернул:

— Этот подарок передал старший брат мне перед нашим отъездом из Юэчжун. Старший брат сказал...

— Сказал, чтобы мы передали его, как только князь Мин приедет в Тун, — перебил Ле Доу.

Ле Чжунши недовольно посмотрел на Ле Доу из-за того, что последний вставил своё слово, Ле Доу, в свою очередь, также гневным взглядом «вперился» в господина. Ле Чжунши вместе с Ле Доу три дня слегка шумели, на пятый день у них случалась огромная перепалка, где же тут бояться его?

Больше всего опасаясь, что они сейчас устроят ссору, которую сразу не унять, Фэн Мин спешно продолжил разговор:

— Что передал мне господин министр?

Ле Чжунши ответил:

— Я не открывал, только свёрток лёгкий, наверняка там лежит что-то не тяжёлое. — И в руках появилась вещица, завёрнутая в шёлковый атлас, по-видимому, это и был подарок.

По её виду было заметно, что внутри, должно быть, находилась квадратная коробка. Вытянув руки, Фэн Мин уже хотел было взять свёрток, но ему не спешили отдавать, наоборот, Ле

Чжунши, смеясь, покачал головой:

— Старший брат сказал, что нужно подождать, пока корабль коснётся границ Тун.

Ле Чжунлю до сих пор вёл себя странно, однако никто этому не удивился. Так или иначе, скоро они придут в Тун, и, когда все рассядутся пить чай, тайна свёртка раскроется.

К тому же погода благоприятствовала — хорошая и тёплая, царствующий над рекой ветер был порывистым; чем выше поднималась джонка, тем шире становилась река — в самом широком месте доходила до нескольких десятков чжанов; лодочники в полной мере раскрывали паруса, позволяя ветру подхватить суда, неся их с изумительно большой скоростью.

Пока вся толпа, сидя в гостинной, особо бережно смаковала чай, снаружи совсем близко донеслось, словно объявляя:

— Смотрите — каменный столб! — протяжным тоном, будто у кричащего это уже имелся достаточно большой опыт.

Все последовали совету и, конечно, увидели вдали возвышающийся возле берега грандиозный, характерный для границ, каменный столб.

— Вот и приехали в Тун, — слегка выкрикнула Цю Лань.

Фэн Мин, улыбнувшись Ле Чжунши, обратился:

— Эй, ты сейчас должен отдать мне подарок?

И Ле Чжунши, довольно ухмыляясь, протянул свёрток, вручая:

— Даже не знаю, что там внутри. Очень тяжело было везти его всю дорогу.

На что сидящий рядом Ле Доу косо поглядел на своего господина:

— Лентяй.

Но Ле Чжунши, на удивление, даже бровью не повёл.

Когда свёрток оказался в руках, Фэн Мин поставил его на стол, развязал атласную «обёртку» и извлёк, как и предполагалось, короб. Каждого, кто находился в комнате, одолевало любопытство, ведь этот причудливый министр на этот раз отправил Его Светлости что-то хорошее, и все, наклонив головы, уставились на присланное.

К коробу даже не прилагалось никакого письма, как было положено при обычном подарке. В какой-то момент Фэн Мин, подумав, что внутри, возможно, ничего и нет, внимательно пригляделся — на деревянной крышке красовалась обычная серебряная защёлка. Наклонившись ближе, он открыл защёлку, и крышка тотчас же распахнулась — внезапно раздался пронзительный визг, который прокатился на несколько метров.

Трое служанок, также увидев это, побледнели от страха и одна за другой вскрикнули.

— Что случилось? — ворвался в комнату Жун Ху, который до этого находился снаружи.

Настороженным взглядом окинув всех, кто был в гостиной, охранник Силэй остановился на парочке Ле Чжунши и Ле Доу, сидящих с невинным видом, словно две огромные пагоды, и пальцами указывая на стоящий на столе короб.

Жун Ху, заглянув внутрь данного подарка, в недоумении спросил:

— А это разве не голова Цин Дина? Почему она здесь?

Фэн Мину уже некогда приходилось видеть эту отрубленную и забальзамированную голову, однако в этот раз он испугался очень сильно, поскольку морально не был готов снова её увидеть, когда испуг прошёл, а лицо постепенно вернуло прежний вид, князь медленно шагнул к краю стола и сердито выплюнул:

— Мать честная, чуть сердечный приступ от страха не случился.

Сначала эту голову привезла третья принцесса в построенный лагерь, где скрывалась Мэй Цзи, в качестве подарка Жун Тяню, дабы снискать его расположение, там этот подарок и оставался. Затем произошло неожиданное: на лагерь напало войско Жо Яня и сожгло большую часть основной деревянной постройки, однако короб с головой, что был спрятан в маленькой, служившей убежищем, а потом и склепом, комнатке, чудом уцелел.

Вновь вернувшись на пепелище, Жун Тянь забрал вещь с собой и вместе с Ле Чжунлю отвёз её в Юэчжун, где она действительно находилась до сих пор.

Наверное, после того, как произошло нападение на лагерь и «склеп» уже подвергся разгрому войск Ли, а затем в скором времени они встретились с Ле Чжунлю, то неизвестно кто — Жун Тянь или Ле Чжунлю — подменил короб, а возможно, они поочередно прятали его, иначе князь ещё тогда вкусил бы немало страданий, поэтому как он мог не насторожиться, впервые увидев его?

Ещё не оправившись, Цю Лань дрожащим голосом пролепетала:

— Зачем министр, подумать только, послал такую страшную вещь князю Мину?

Набравшись храбрости, Цю Син посмотрела на подарок:

— И впрямь мерзко, лучше выбросить её.

— Как можно выбросить? — с трудом успокоившись, Фэн Мин обошёл вокруг стола. — Господин министр определённо хотел, чтобы я, как только перейдём границы Тун, получил этот подарок, поэтому эта вещь, несомненно, принесёт пользу. — Ненадолго глубоко задумавшись, Его Светлость спросил у Ле Чжунши: — Твой старший брат говорил о какой-либо пользе этого свёртка?

Ле Чжунши замотал большой головой:

— Он не говорил.

Сидящий рядом Ле Доу изо всей мочи закивал, словно говоря: «Именно так».

На что Фэн Мин горько усмехнулся:

— Очевидно, это вновь проверка для меня? — И, с силой почесав в затылке, князь перевёл взгляд и задумался: — Господин министр отдал это мне, наверняка чтобы использовать с выгодой. Но в чём заключается её польза? Мне ни в коем случае нельзя преподносить этот «подарок» наследному принцу Тун? Он, вероятнее всего, не отблагодарит меня, а, получив его, ещё больше удостоверится в том, что я злодей, замышлявший расправу над его отцом-императором, и прикажет войскам окружить меня, которые вжик-вжик мечом... — Изящные и тонкие брови сошлись на переносице, отчего тотчас же появилась морщинка.

Ле Чжунши и его слуга никогда не могли высказать своего мнения по поводу данного дела, и, увидев опечаленного князя, жадные до развлечений мужчины с огромным интересом стали наблюдать со стороны за Его Светлостью.

Цю Лань и остальные слуги, при взгляде на эту забальзамированную и до сих пор кажущуюся живой голову, не могли прийти в себя и тоже сказать что-либо.

Ненадолго задумавшись, Жун Ху уже собрался было открыть рот, как снаружи раздался голос Ло Юня, сообщая:

— Вижу пристань Фанди. — Звук приближался, понятно было, что юноша, говоря это, шёл.

Вскоре дверная занавеска поднялась, и силуэт Ло Юня возник у людей перед глазами. Видимо, ещё что-то желая доложить, юноша перед тем, как сказать, учуял запах лекарственных трав, смешанных с запахом гнили. Воспитанный в окружении с убийцами, Ло Юнь к гнилостным запахам был крайне чувствительным, и взгляд, в котором внезапно сверкнул блеск, остановился на до сих пор стоящем на столе открытом коробе. Подойдя ближе и ясно увидев,

что в нём, юноша изменился в лице, став мрачным:

— Как эта вещь оказалась здесь?

Услышав его едкий с нотками выговора тон, Жун Ху слегка рассердился.

А Ле Чжунши, словно хвалясь, доложил:

— Эту вещь старший брат захотел передать князю Мину, всю дорогу пришлось не сводить с неё взгляда и как следует охранять, чтоб не испортилась.

— И чтобы никто не увидел, что в ней, — вставил слово стоящий в стороне Ле Доу.

Увидев, как Ло Юнь смотрит на него, Фэн Мин беспомощно развёл руками:

— В двух словах не расскажешь... Я тоже только что узнал, что она находилась на корабле. Неважно, откуда она здесь взялась, сейчас, уже прибыв в Тун, самое важное — как поступить?

Видя, что князь вновь стал чесаться в затылке, Жун Ху приглушённо сказал:

— Для начала князю Мину стоит успокоиться и не беспокоиться. То, что голова Цин Дина находится здесь — огромная тайна, никто о ней не должен знать. — И взглядом скользнул по Ло Юню.

Корабли замедлились, сбросив скорость, и время от времени чувствовались лёгкие толчки, очевидно, джонки уже собирались пришвартоваться. Снаружи доносились шаги снующих туда-сюда людей, было ясно, что в этот момент собирали паруса и перекладывали руль, меняя курс. «Трель» труб с палубы пронзила небесную высь, пока не донеслась до далёкого горизонта, где её, казалось, также можно было услышать.

Ло Юнь даже бровью не повёл при взгляде на Жун Ху, и, понимая, что довольно насмотрелся на лежащую в коробе голову императора Тун, поддержал:

— Контролировать будем тщательно — мастера меча крайне бдительны. — Юноша самостоятельно закрыл деревянный короб и, вновь завернув в расшитый атлас, обернулся посмотреть на Жун Ху.

На что телохранитель Силэй добавил:

— Лучше этот огромный и ценный подарок сначала передать в руки подчинённым, что находятся здесь, а касаясь того, как всё это уладить — попозже князь Мин ещё раз подумает.

Все сидящие в комнате перевели взгляд на Фэн Мина.

Большая джонка, с небольшим грохотом ударившись о землю, яростно зашаталась, после чего всё затихло, и толпа поняла — пристали к берегу.

Фэн Мин в душе понимал, что он и все его подчинённые прибыли на территорию, где сила влияния принадлежала Тун, и если делу — с находящийся на борту судна головой Цин Дина — позволить хоть чуть-чуть просочиться за пределы гостиной, то их будут ждать печальные последствия.

При мысли о том, что, возможно, толпу окружит многотысячное войско Тун, которое воспринимало Его Светлость главным виновником в смерти их государя, кожа на голове Фэн Мина просто-напросто онемела от страха.

Свалившиеся, как снег на голову, звуки шагов, донёсшихся снаружи, разбили нависшее молчание.

— Молодой господин, — смело вбежал Ло Дэн, на лице которого застыло удивление и самодовольство, и с порога сразу же выпалил: — Молодой господин, прошу, скорее сойдите на берег, Вы наверняка никогда не догадаетесь, кто Вас встречает на причале.

Услышав его слова, Фэн Мин отнёсся к ним крайне серьёзно, взгляд просветлел, а сам князь спросил:

— Цзы Янь?

Но Ло Дэн покачал головой:

— Этот человек важнее Цзы Яня, он лично явился встретиться с Вами, гарантируя полную безопасность Вашей Светлости в Тун, молодой господин, скорее, прошу, сойдите на берег. Нельзя заставлять этого человека томиться в долгом ожидании.

Слуги переглянулись между собой, они понятия не имели, что за человек встречает их на причале, зная о взаимоотношениях между Силэй и Тун, человек, не таящий злобу и не преследующий их, уже неплохой, да и кто осмелился, развернув знамёна[7], устроить им пышную встречу?

Фэн Мин, многозначительно посмотрев на стоящий на столе короб, который хотел забрать Жун Ху и который мог наделать кучу хлопот, убрал настолько проблемный подарок, выпрямил спину и, вышагивая впереди всей свиты, вышел из комнаты.

С гордой осанкой и величественными манерами вышагивая на палубу, князь бросил взгляд через палубную деревянную ограду, посмотрел на хорошо организованный стоящий на

причале отряд, как будто тот присутствовал в качестве огромной поддержки. Фэн Мин всем телом вздрогнул и, не веря глазам, вскрикнул:

— Что? Правящий дядюшка Тун вдруг решил лично встретить меня?

И вправду.

В воздухе над пристанью развеялся на ветру флаг, ткань которого была сверху тёмной, а снизу — светлой, посередине красовалась надпись «Тун», напоминавшая взлёт дракона и пляску феникса[8], оттенённая серебряной кромкой. Неужели это флаг ниже Единственного[9], но выше тьмы[10] младшего императорского брата Тун Цин Чжана?

О, Небеса, они никогда бы не подумали, что в первый же день прибытия в Тун их лично встретит царствующий род страны...

Примечания:

[1] Обр. всесторонне, до мельчайших деталей, во всех подробностях.

[2] Китайское выражение «одинаковое мастерство в разных мелодиях» означает «методы и формы различны, но суть одна», «есть много схожего».

[3] В оригинале фраза звучит как «на душе тревога, плоть трепещет», обр. в знач.: не находить себе места, трепетать в предчувствии беды.

[4] Обр. в знач.: свирепых, жестоких.

[5] Китайская фраза 千军万马 переводится как «тысяча и один дахунпао», где дахунпао — это сорт чая, название которого дословно означает «большой красный халат». То есть здесь цвет халата сравнивается с цветом чая.

[6] В оригинале фраза звучит как «указывать на небо и чертить по земле», обр. в знач.: жестикулировать.

[7] «Развернуть знамёна и ударить в барабаны» — обр. в знач.: всеми силами, с большой шумихой.

[8] Обр. об исключительно красивом почерке.

[9] «Единственным» в Китае называли императора.

[10] Тьма — десять тысяч; обр. о первом министре.

<http://bllate.org/book/13377/1190229>